

На правах рукописи

ДАНИЛОВА Юлиана Николаевна

**ВИНА И СТЫД В КУЛЬТУРАХ ЗАПАДА,
РОССИИ И ВОСТОКА**

Специальность

09.00.13 – философская антропология, философия культуры
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Омск – 2016

Работа выполнена на кафедре философии
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»

Научный руководитель: *Степанова Инга Николаевна*
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: *Сыров Василий Николаевич*
доктор философских наук, профессор,
ФГАОУ ВПО «Национальный
исследовательский Томский
государственный университет»,
доцент кафедры онтологии, теории
познания и социальной философии;

Худякова Наталья Леонидовна
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный университет»,
профессор кафедры философии;

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Пермский
государственный институт культуры»

Защита состоится 30 июня 2016 года в 13.00 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.177.03 при ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» по адресу: 644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14, ауд. 212.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Омского государственного педагогического университета и на официальном сайте ОмГПУ: <http://www.omgpu.ru/zashchita-dissertaciy>

Автореферат разослан 16 мая 2016 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

Варова Наталья
Леонидовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Культура создала три основных ценностных механизма регулирования поведения людей: стыд, вина и страх. Сегодня первые два механизма оказались в значительной степени разрушены, что имеет свои причины на уровне сущего и должного. На Западе произошла девальвация христианских ценностей, которые на протяжении многих веков формировали у индивидов чувство вины за нарушение божьих заповедей, которые считались абсолютными ценностями. Некоторые этносы и государства присвоили себе право на национальную или конфессиональную исключительность и начали навязывать свои ценности другим народам и государствам силой с помощью войн и международного терроризма. В результате человеческая жизнь обесценилась, гибнут тысячи людей, уничтожаются материальные ценности, разрушаются государства. В России разрушена коллективистская культура, которая многие века инициировала чувство стыда перед общиной или коллективом. Огромные достижения в области науки, техники и технологий, произошедшие в XX-XXI вв., внушили людям чувство человекобожия. Идея человекобога, возникшая в культуре Возрождения как альтернатива христианству и поддержанная в Новое время («Бог умер: теперь хотим *мы*, чтобы жил сверхчеловек» Ф. Ницше), привела к релятивизму ценностей и объявлению высшей ценностью сверхчеловека, что нашло воплощение в существовании тоталитарных режимов и морали вседозволенной свободы.

История человеческой цивилизации свидетельствует, что индивиды и общества не могут существовать без ценностных абсолютов, которые включаются в культурные традиции, составляя их ядро. Когда же они разрушаются, возникает ценностный кризис, перестают действовать механизмы, регулирующие поведение людей, и начинается культурная работа с целью создания новых ценностных абсолютов. Но ни один абсолют (Иисус Христос, Аллах, свобода, демократия и т.д.) нельзя насильственно внедрять в сознание индивидов, ибо это разрушает их культурную идентичность. Поэтому исследование того, какую роль играют вина и стыд в различных культурах и в поведении индивидов, является актуальным.

Особенно это связано с тем, что в отечественной философии вина и стыд находятся на периферии исследовательского интереса. Считается, что они относятся к области этики в форме моральных чувств. При этом игнорируется то, что в истории философии Запада, России и Востока вина и стыд рассматривались как ценностные явления, включенные в существование человека, в истории культуры как выражение ментальности того или иного

народа, ценностные эталоны, с помощью которых оценивался уровень развития культуры, и механизмы регулирования поведения.

Степень научной разработанности темы. Используемые источники охватывают как общетеоретические вопросы, так и характеристику различных форм культуры: философия, мораль, культура повседневности. Явления вины и стыда широко исследовались в истории философии: в учениях западных философов А. Августина, Аристотеля, Г.-В.-Ф. Гегеля, Р. Декарта, А. Камю, И. Канта, Г. Марселя, Ф. Ницше, Платона, Ж.-П. Сартра, Б. Спинозы, З. Фрейда, Э. Фромма, М. Хайдеггера, К. Ясперса, а также русских философов Н.А. Бердяева, Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина, И.В. Киреевского, Н.О. Лосского, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, А.С. Хомякова. По сути дела, весь цвет философской мысли Запада и России оставил глубокие размышления о данных явлениях. Не меньший интерес проявляли к исследованию вины и стыда и философы Востока: в Китае – Конфуций, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, Ван Янмин, Ду Вэймин, Фэн Юлань; в Японии – Нисида Китаро, Юдзиро Накамура, Танабэ Хадзимэ, представители японской художественной литературы экзистенциализма. Значительный вклад в исследование китайской философии внесли Т.А. Бычкова, А.А. Гусейнов, Л.С. Переломов, Н.В. Терехова, Е.А. Торчинов; в исследование японской философии – А. Дугин, Н.Н. Изотова, Ю.Б. Козловский, А.Л. Луцкий, Н.Н. Трубникова, Ю.В. Хрусталева.

Западная философия Нового времени психологизировала вину и стыд, рассматривая их как чувства и эмоции, в экзистенциализме XIX-XX вв. вина понималась как экзистенциал, характеризующий способы существования человека в условиях отчуждения и заброшенности в мир. В русской философии стыд трактовался как одно из первичных чувств человека, обеспечивающих нравственно-религиозное единство народа, а вина связывалась со своевольной свободой человека, отрицавшего Бога, или считалась результатом осознания социальной несправедливости по отношению к народу. В восточной философии стыд полагался основой долга и механизмом регулирования отношений между правителем и народом или результатом нарушения обязанностей перед другими.

Как высшие духовные переживания они рассматривались в философской антропологии (А.А. Корольков, В.И. Красиков, О.И. Николина, П. Слотердаик, Э. Фромм); как ценности в культурологии и философии культуры (А. Вежбицкая, М.С. Каган, А.А. Калуцкий, А.И. Кравченко, И. Левяш, Н.Л. Худякова); в ритуалах, обрядах и обычаях архаических культур в культурной антропологии (В. Вундт, Р. Кайуа, А. Тайлор, З. Фрейд, Д.Д. Фрэзер); как нравственные явления в этике (Р.Г. Апресян, З.А. Бербешкина, А.А. Гусей-

нов, А. Швейцер); как лексемы, связывающие язык и культуру, в лингвокультурологии (Е.Н. Белая, Е.А. Дженкова, А.В. Колесов, В.А. Маслова, Н.И. Толстой, А.Т. Хроленко). Лингвистический анализ «вины» и «стыда» дан в словарях З.И. Барановой, В. Даля, А.П. Преображенского, А.И. Смирницкого, М. Фасмера, Н.И. Фельдмана, П.Я. Черных, Н.М. Шанского.

Значительный интерес представляют исследования в сравнительной философии, в границах которой осуществляется компаративистский подход к пониманию параллелей в философских и культурологических учениях Запада, России и Востока, что позволяет обосновать сравнительный подход к вине и стыду как явлениям различных культур. С 1939 г. при Гавайском университете стали проходить международные философские форумы Восток-Запад и выпускаться журнал «Философия Востока и Запада», где рассматривались проблемы соизмеримости и инаковости культур, возможности планетарной макроэтики для человечества и т.д. С начала 90-х гг. XX в. в России начал осуществляться проект международных компаративистских исследований, результатом которого стало проведение ряда крупных конференций и издание работ по проблеме диалога культур Запада и Востока, сравнительной философии. С 2007 г. в России начал выходить журнал по философской компаративистике «Хора». Появились монографии, статьи и учебные пособия по сравнительной философии (Ч.Э. Алиева, С.Л. Бурмистров, А.С. Колесников, Н.И. Петякшева, С.Я. Шейнман-Топштейн, В.К. Шохин, Р. Masson-Oursel, Р.Т. Raju, Y. Nakamura и др.).

Вина и стыд рассмотрены в западной и русской морали в работах Р.Г. Апресяна, А.И. Бродского, М.Г. Ганапольского, А.А. Гусейнова, Ю.Н. Давыдова, В.И. Дружинина, И.А. Калясиной, В.В. Лядова, И.М. Нахова, Д.С. Серебрянского, А.А. Столярова, В.Н. Сырова, Л. Шестова, авторов сборника «Марксистская этическая мысль в СССР (20-е – первая половина 30-х годов)», авторов сборника «Облики современной морали»; в исследованиях китайской морали: работы С.Н. Гончарова, Т.В. Пашковой, В.Я. Сидихменова, Дж. Уинтла; японской морали: работы Д. Аракавы, Ю.М. Галеновича, М.С. Гамалей, К. Итикавы, А.А. Накорчевского, Т.Л. Новосельцевой, Д.В. Смирновой, Е.А. Сосновской, А.Б. Спеваковского, А.Ю. Синицына, Ф. Фукуямы.

Вина и стыд являются предметом изучения и в работах по культуре повседневности. Ее исследованием начали заниматься в 30-е годы XX в. представители французской школы «Анналов», в 60-70-е годы XX в. немецкие, в конце 80-х – начале 90-х годов – русские ученые. В одних работах рассматриваются вопросы общетеоретического характера (структура и функции повседневности). В понимании повседневности выделяются три подхода. Согласно первому (Б.В. Марков), ее рассматривают как частную жизнь (быт,

обычаи, предметы материальной культуры, типичные способы использования вещей, рутинные действия, проведение досуга и т.д.). При втором подходе (Б. Вальденфельс, А. Щюц) внимание акцентируется на повседневном мышлении («наличное знание» в типичных ситуациях и действиях, повторяющееся, самоочевидное; типичные мотивы и установки индивидов и т.д.). При третьем подходе (Н.В. Вамбольдт, П.Н. Кондрашов, К.Н. Любутин, М.П. Шубина) она понимается как целостное явление, включающее повседневное бытие и обыденное сознание. В других работах дается характеристика культуры повседневности Запада (В.С. Баглай, А. Боннар, Л. Винничук, П. Гиро, Ж. Делюмо, И.А. Колодий, Ж. Ле Гофф, З. Лионидас, В.Р. Мединский, К.А. Меликова, О.И. Николина, А. Сильнов, А.А. Смолькин); России (М.В. Воробьева, И. Глущенко, В. Долгов, Ю. Дунаев, Н.И. Костомаров, Д.В. Потепалов, Н. Пушкарева, А. Терещенко, Е.В. Шарикова); Китая и Японии (В.Ц. Головачев, О. Додонова, И.Д. Ладанов, М.В. Корольков, П. Курмилов, В.В. Малявин, А. Прасол, В.А. Пронников, В.Я. Сидихменов, О.П. Фролова).

Анализ явлений вины и стыда нашел отражение в работах по китайской культуре (Т.А. Бычкова, Ю.М. Галенович, С.Н. Гончаров, М.В. Корольков, В.В. Малявин) и японской культуре (Ф. Асакура, Е. Бакшеев, Р. Бенедикт, С.Г. Бишарова, Т.П. Григорьева, М.Н. Корнилов, А.А. Михалев, П.А. Решетникова, И.Н. Сертакова, Т.Г. Стефаненко, М.В. Шабаева, Н. Шкапа), сборниках работ: «Человек и мир в японской культуре», «Япония: культура и общество в эпоху НТР», «Япония в сравнительных социокультурных исследованиях».

Несмотря на существование различных источников в изучении вины и стыда, отсутствует их сравнительное исследование в культурах Запада, России и Востока, объединяющее их представленность в философии, морали и культуре повседневности.

Проблема исследования заключается в выяснении вопроса, являются ли вина и стыд универсалиями, общезначимыми для всех культур, или же в культурах их ценностный статус и роль в жизни людей являются различными. Эта проблема может быть выражена в следующих вопросах: Имеется ли различие в понимании вины и стыда в философской рефлексии Запада, России и Востока? Какое место занимают вина и стыд среди моральных ценностей Запада, России и Востока? Что доминирует (вина или стыд) в обычаях и правилах поведения культуры повседневности Запада, России и Востока?

Цель исследования – провести компаративистское исследование места и роли вины и стыда в культурах Запада, России и Востока.

Задачи исследования:

- осуществить анализ историко-философских учений о вине и стыде в философии Запада, России и Востока;
- проанализировать понимание вины и стыда в этических учениях и коллективной ментальности различных исторических эпох в культурах Запада, России и Востока;
- рассмотреть присутствие и роль вины и стыда в культурах повседневности Запада, России и Востока.

Методологическая и теоретическая база исследования:

В работе использовались такие методы, как компаративистский, исторический и логический, которые позволяют сравнивать культуры Запада, России и Востока в их историческом развитии и сущностных особенностях; герменевтический, обеспечивающий выяснение смыслов философских, этических и культурологических текстов; феноменологическая методология, которая «схватывает» явления вины и стыда в философской и этической рефлексии; ценностный подход, с помощью которого вина и стыд рассматриваются как ценностные паттерны; общелогические методы индукции (общие выводы делаются из рассмотрения философских учений и фактов нравственной жизни и культуры повседневности) и дедукции (с ее помощью формулируются гипотезы о специфике культур Запада, России и Востока); моделирования (выделение трех типов моделей культуры Запада, России и Востока), анализа и синтеза, применяемых при исследовании философских и этических учений.

Важное методологическое значение в диссертационном исследовании имеют идеи коллективной монографии «История современной зарубежной философии: компаративистский подход», в которой впервые в отечественной философии излагается сущность компаративистского подхода и дается сравнительный анализ ряда философских учений Запада и Востока; работа К.Г. Юнга «О психологии восточных религий и философий», который одним из первых обнаружил различие между западным умом и восточным духом; работа Р. Бенедикт «Хризантема и меч: модели японской культуры», создавшей классификацию культуры на западную культуру вины и восточную (японскую) культуру стыда, что является ее главной заслугой. Но эти модели культуры даны автором как идеальные типы, достоверность которых подтверждается только структурами повседневности в культуре Японии, тогда как выводы о западной культуре имеют декларативный характер и не подтверждаются путем изучения ее форм, а русская культура вообще не исследована. Работа носит не теоретический, а описательный характер.

В диссертационном исследовании используется разработанный К. Ясперсом принцип параллелизма как «параллельное существование в одно и то же время и без взаимодействия» культур Древней Греции, Древнего Китая и Древней Индии. Данный принцип использовали О. Шпенглер при сравнении античной, индийской, арабской и западной культур и А. Тойнби, рассмотревший развитие двадцати одной цивилизации, проходивших одни и те же стадии под воздействием закона исторического «Вызова-и-Ответа».

Научная новизна исследования:

1. Дано понятийное определение «вины» и «стыда» в философской антропологии.

2. Обосновано на материале философии, морали и культуры повседневности Европы, что западная культура является культурой вины.

3. Установлено путем анализа философии, морали и культуры повседневности России, что российская культура является культурой вины и стыда.

4. Аргументировано на материале философии, морали и культуры повседневности Китая и Японии, что восточная культура является культурой стыда.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. В философской антропологии вина и стыд могут быть определены как высшие ценностные переживания, представляющие способы человеческого существования, из которых первая характеризует самонаказание в виде раскаяния и искупления за неисполнение закона совести как безусловного императива духовной жизни, а второй – понимание утраты ценностной идентичности со значимыми другими. По отношению к культуре вина и стыд выступают как ценностные эталоны, представляющие регулятивы человеческого поведения.

2. Западная культура вины (в формах философии, морали, повседневности) является результатом взаимодействия западного христианства, либеральной цивилизации и индивидуалистической культуры. Она включает в себя признание Бога как онтологического и ценностного абсолюта, идеи греха и спасения, свободы выбора индивида, личной внутренне мотивированной ответственности, принцип индивидуализма.

3. Восточная культура стыда (в формах философии, морали, повседневности) является результатом взаимодействия религий без Бога (конфуцианство, буддизм), коллективистской культуры, традиции которой сохраняются при трансформации традиционной цивилизации в либеральную. В культуре признается зависимость индивида от ценностей и норм группы,

строгое соблюдение долга как многочисленных внешних обязанностей, в ней отсутствуют идеи греха и спасения.

4. В культуре России (в формах философии, морали, повседневности) сосуществуют вина и стыд, что обусловлено православным христианством, коллективистской культурой и этатистским государством. В ее культуре, испытывающей влияние Запада и Востока, сочетаются патернализм и свобода, отсутствие национализма и патриотизм, конфессиональная терпимость и мессианизм, коллективизм и личностное самоопределение.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты позволяют обнаружить, благодаря данной типологии культур, различия в типах культуры, расширить проблематику человеческого существования в духовной жизни и повседневном мышлении через анализ явлений вины и стыда. Материалы диссертации могут быть использованы в процессе вузовского преподавания дисциплин «Философская антропология», «Философия культуры», «История культуры».

Апробация диссертационного исследования. Основные положения диссертационного исследования были обсуждены на заседании кафедры философии Курганского государственного университета. Его содержание нашло отражение в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ (Красноярск, 2014; Челябинск, 2014, 2015), материалах VII Российского философского конгресса (Уфа, 2015), сборниках трудов международных научных конференций (Курган, 2011; Москва, 2013; Новосибирск, 2013; Белгород – Шеффилд, 2014; Курган, 2015; Казань, 2015; Екатеринбург, 2015), сборнике материалов Всероссийского научно-практического форума с участием зарубежных ученых (Пермь, 2014), Вестниках КГУ (2011, 2013, 2014, 2015), сборниках научных трудов аспирантов и соискателей КГУ (2013, 2014, 2015). Всего опубликовано 20 статей по теме диссертации.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения и списка литературы, включающего 212 наименований. Работа изложена на 160 страницах компьютерной верстки.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее научной разработанности, формулируются цель и задачи, рассматриваются теоретическая и методологическая основы исследования, раскрывается ее научная новизна и практическая значимость.

В первой главе «**Вина и стыд в христианских культурах Запада и России**» сравнивается присутствие вины и стыда в философии, морали и культуре повседневности Запада (на материале Европы) и России.

В лингвокультурологии «вина» и «стыд» представлены как лексемы различных языков. В английском языке «вина» обозначается словами *guilt*, *fault*, *blame*, которые часто используются в правовом контексте, «стыд» – лексемой *shame*, обозначающей «позор» или «бесчестье». В немецком языке «вина» обозначается лексемой *schuld* в значениях «долг», «задолженность», «обязательство», а также как коллективная и историческая вина; «стыд» – лексемами *scham* и *schande*, обозначающими «стыдливость» и «позор». Во французском языке «вина» представлена лексемами *faute* и *tort*, которые имеют значения «ошибка», «прегрешение», «промах», «проступок», «изъясн», «недостаток», юр. «неумышленная вина»; «стыд» – лексемами *honte* и *pudeur*, обозначающими «стыдливость», «сдержанность», «застенчивость».

В русском языке «вина» определяется как «начало», «причина», «источник», «повод»; «провинность», «прегрешение», «предосудительный поступок», а «стыд» как «самоосуждение», «нутренняя исповедь перед совестью», «позор», «порицание», «унижение в глазах других». В русском языке лексема «вина» имеет преимущественно этико-религиозное значение, истолковываясь не как преступление, за которое нужно нести правовое наказание, а как грех, который может быть прощен.

Вина и стыд появляются в первобытных культурах, исследователи которых (В. Вундт, Р. Кайуа, А. Тайлор, З. Фрейд, Д.Д. Фрэнгер) считают, что возникновение вины было связано с нарушением табу, представлявшем запреты в тотемизме, которые обеспечивали защиту рода, и вина представляла преступление перед родом. Стыд был связан с нарушением обычаев и правил в повседневной жизни. Как высшие переживания, представляющие способы человеческого существования, в которых человек ограничивает свои разнообразные желания и осуществляет самоконтроль, и как регулятивы поведения вина и стыд присутствуют во всей истории человечества.

В первом параграфе «**Модели вины и стыда в западной философии**» все философские учения о вине и стыде в западной философии относятся к таким моделям как психологическая, спиритуалистическая и антропологическая. К психологической модели принадлежат учения Аристотеля, Р. Декарта, Б. Спинозы, А. Шопенгауэра, З. Фрейда. В философии Аристотеля в триаде совесть – вина – стыд первая выступает как родовое свойство человека, связанное с его способностью к мышлению, вторая обусловлена телесными и душевными пороками человека, а третий отождествляется со страхом «дурной славы». В рационализме XVII в. вина и стыд исследуются в границах

проблемы страстей: у Декарта и Спинозы совесть и вина рассматриваются как выражение разума, а стыд как выражение аффекта страха. Шопенгауэр считает кантовское понимание совести как сознания «внутреннего судилища» в человеке «несостоятельной гипотезой и простым переодеванием теологической морали» и связывает совесть с чувством сострадания к Другому. З. Фрейд отождествляет стыд со страхом перед внешними авторитетами, а вину со страхом перед Сверх-Я.

Спиритуалистическая модель вины и стыда представлена философскими учениями А. Августина, П. Помпонаци, И. Канта, Г.-В.-Ф. Гегеля. Августин связывает стыд с пороками человека в повседневной жизни, а вину с существованием в индивиду «внутреннего человека», его души, являющейся судьей его грехов и отчитывающейся перед Богом. У Помпонаци суд совести индивида становится более значимым, чем божественный суд. Кант разделяет вину на неумышленную (из заблуждения) и преднамеренную (сознательный отказ следовать нормам, признанным в обществе). Тем самым он подчеркивает субъектность и автономность моральной регуляции. Гегель апологетизирует протестантскую совесть, рассматривая ее как «свободный дух, знающий себя в своей разумности и истине».

Антропологическая модель вины и стыда включает философские учения Ф. Ницше, Э. Фромма, Г. Марселя, К. Ясперса, М. Хайдеггера, А. Камю, Ж.-П. Сартра. Ницше, определяя вину как «нечистую совесть», обращается к лексическому анализу «вины», происходящей из понятия «долги», и делает вывод, что вина исторически возникает из договорных отношений между заимодавцем и должником, и «в долговом праве, таится рассадник мира моральных понятий “вина”, “совесть”, “долг”, “священность долга”», что означает признание происхождения морали из права. Возникновение религии связывается им с «чувством задолженности божеству», а упадок христианской веры со спадом сознания вины. Фромм разграничивает авторитарную совесть как «голос интериоризованного внешнего авторитета» и гуманистическую совесть как «голос нашего подлинного я».

Марсель, анализируя пограничные ситуации у Ясперса, относит к ним вину, смерть, страдание, борьбу, в которых индивид находится в качестве экзистенции. Вина человека связана с действиями, в которых он задевает другого, или с надежанием. И то, и другое влечет за собой ответственность, представляющую «состояние готовности взять ошибку и вину на себя». Отказ индивида от изменения вещей есть отказ от ответственности и отступление от экзистенции, требующей, чтобы «я прекратил закрывать глаза на мою виновность...». Марсель, будучи религиозным философом, в экзистенциале ошибка-вина усматривает след «изначального первородного греха». В философии

Хайдеггера совесть принадлежит онтологическому существованию человека, представляя собой молчаливый зов, обращенный к нему. Услышать призыв совести представляется, по Хайдеггеру, бросанием «себя на *самую* свою собственную способность-стать-виновным» и означает не прятаться за публичную совесть, не быть человеком толпы, где действует *Man*, нести личную ответственность. По Камю, нигилистические идеологии XIX-XX вв. (особенно учение Ницше) привели к переворачиванию ценностей, в результате чего мир превратился в абсурд, средством спасения от которого является бунт. Но социальный бунт связан с убийствами, что порождает вопрос об их оправданности. Камю считает формами исторического бунта цареубийство, терроризм, революцию, которые являются способами исторической ответственности западного нигилизма. Сартром вина исследуется в границах проблемы свободы, при рассмотрении которой он отрицает социокультурную детерминацию человеческого существования и из фактичности самоделания человека («человек станет таким, каков его проект бытия») выводит идею ответственности человека за себя, за других и за являющуюся рукотворной действительность. Философ связывает вину с постулатом ответственности: «У нас не имеется ни оправданий, ни извинений». Стыд Сартром рассматривается при исследовании проблемы отношения я к другому, который позволяет человеку, при осуждении его другим, сохранить свое лицо.

Во втором параграфе «**Вина и стыд в русской философии**» данные явления рассматриваются в славянофильстве, учениях революционных демократов XIX в., русской религиозной философии, революционной народнической мысли, философии анархизма. Представители славянофильства XIX в. И.В. Киреевский и А.С. Хомяков связывали совесть с религиозной верой и общинной моралью русского народа. Совесть понималась ими как стыд перед общественностью, и ее назначение усматривалось в укреплении солидарности людей.

Революционные демократы XIX в. связывали стыд и вину, считая их социальными чувствами, с общественно-политическими событиями в России. В этом отношении показательны взгляды А.И. Герцена, который в очерках и письмах откликался на самые острые проблемы российского общества.

В романах Ф.М. Достоевского речь идет о личной совести и ее связи со свободой и судьбой человека. Поскольку путь свободы понимается Достоевским как путь страдальческих исканий и трагических результатов, связанных с перерождением свободы в своеволие, то совесть рассматривается им как внутренний регулятор духовного мира и поведения человека, наказывающий его муками, угрызениями, признанием вины, душевной болью, раскаянием и покаянием. Путь к Богу понимается Достоевским как единственный путь

пробуждения совести. В.С. Соловьев в работе «Оправдание добра» определял человека как «животное стыдящееся»: «*Я стыжусь, следовательно, существую, не физически только существую, но и нравственно*». Он считал, что чувства стыда, жалости и благоговения определяют нравственное отношение человека к своей материальной природе, Другим и Богу. Понимая стыд расширительно, философ укоренял его в духовности человека.

Н.А. Бердяев рассматривал совесть через ряд бинарных оппозиций: совесть чистая и извращенная (например, фанатизм), личная и соборная, внутренняя и внешняя – и усматривал сущность совести в ее связи с Богом. Особое место в его творчестве занимает тема связи вины и греха. Он понимал их онтологически как включенные в человеческое существование и исторический процесс, представляемый им как искупление греха и признания вины, которое обретается творчеством человека. И.А. Ильин создает феноменологию русской души, основой которой являются совестные акты личности. Он считает, в отличие от рационализма, совесть эмоционально-волевым актом, подобным опыту молитвы или творчества. Совесть проявляется как стыд, представляющий социальное чувство, приобретенное в процессе воспитания, и как вина, личное духовное переживание, свидетельствующее о сформированности человека как личности. П.А. Флоренский рассматривает явления совести, вины и стыда в границах проблемы греха и зла. Стыд понимается им как духовное переживание, противоположностью которого являются бесстыдство и цинизм, а вина как выражение чистоты сердца. Н.О. Лосский характеризует вину как укоры совести и возмездие за путь зла, называя их внутренней «*имманентной производной санкцией нравственного закона*». С.Л. Франк формулирует идею «онтологической необеспеченности добра», которая преодолевается стремлением человека к нравственному идеалу, чувством совести.

В революционной народнической мысли чувство вины было сакрализовано. «Русской интеллигенции, – писал С.Н. Булгаков, – свойственно также чувство виновности перед народом, это своего рода “сакральное покаяние”». С.Л. Франк признавал, что для народнической интеллигенции «искупить свою вину можно было только одним – самоотверженным служением “народу”. ...это значило стать революционером». Осуществление этих идей закончилось революцией, гражданской войной и эпохой тоталитаризма.

Представитель философии анархизма М.А. Бакунин предлагал для уничтожения российского государства и осуществления народной революции покрыть всю Россию тайными революционными обществами, в деятельности которых должны были применяться средства хитрости, обмана, иезуитские приемы, насилие по отношению к врагам. П.А. Кропоткин в своей

философии анархизма отрицал личную совесть, авторитеты и чувство стыда перед ними и предлагал осуществить «анархический нравственный принцип равенства» и «полнейшую свободу личности», что привело бы к социальному хаосу и разложению личности.

В западной философии вина и стыд чаще психологизируются, рассматриваются в аспекте проблемы сущности и существования человека, а в русской философии – онтологизируются, понимаются как формы нравственного отношения к другим и к Богу.

В третьем параграфе **«Вина и стыд в морали Запада и России»** сопоставляется присутствие данных явлений в этических учениях и коллективной ментальности Запада и России. В античности широко использовались слова «айдос» («стыд») и «айсхюне» («стыдливость»). В элитарной морали Платона и Аристотеля стыду отводилось видное место, тогда как киники своими речами и образом жизни демонстрировали эпатажное, бесстыдное поведение по отношению к общепринятым нормам нравственности. Явления совести и вины не оказали влияния на древнегреческую трагедию, в которой человек ориентируется на оценки окружающих и «стыдится своих действий, ставших всем известными и навлекших на него позор» (В.Н. Ярхо). «По единодушному мнению исследователей, древнегреческая культура, даже в пору ее расцвета, классический пример “культуры стыда”» (И.С. Кон). Подлинная природа морали обнаруживается только в эллинистически-римский период, когда в учениях стоиков критерием нравственности становятся совесть, вина, раскаяние.

В христианской морали вина связывается с первородным грехом, и человек ориентируется на аскетическую стратегию жизни. В средневековой нравственности существовала нетерпимость по отношению к еретикам, евреям, сумасшедшим, различного рода табу обращались против представителей профессий, связанных с физическим трудом, в женщине осуждались проявления сексуальности, в XV-XVII вв. Европа была охвачена «охотой на ведьм». Мораль имела сословный характер, требуя жесткого следования в поведении индивидов моральным образцам. С XIII в. изменилась форма отпущения грехов: от человека «требовалось раскаяние, и он жаждал его» (Ж. Ле Гофф). В коллективной ментальности нравственное совпадало с религиозным: чувства вины и стыда считались признаком не только нравственности, но и благочестивости, и поддерживались страхом позора и возмездия. К XVI в. католическую церковь в Европе охватил духовный кризис, следствием которого явилось возникновение протестантизма. Один из его основателей М. Лютер положил в основу протестантской доктрины идею «спасения верой» (*sola fides*), согласно которой «всякий истинно раскаявшийся хри-

стианин получает полное освобождение от наказания и вины, уготованное ему даже без индульгенций».

В период раннего Просвещения возникает направление этического сентиментализма (Шафтсбери, Ф. Хатчесон), в котором совесть рассматривается как «закон для самого себя», а исповедь как механизм совести, представляющий суд над самим собой. И. Кант, отделив мораль от нравов и религии, создает этический категорический императив, провозглашая человека свободным моральным существом, руководствующимся в своих поступках идеей долга. Но идеи разума, совести, свободы выбора относились к поведению интеллектуалов, тогда как для большинства основой морали оставалась религия. С развитием индустриального общества мораль все больше социализируется и секуляризируется («Бог умер»), что приводит в XIX в. к возникновению морали утилитаризма, где совесть заменяется пользой, вина – удовольствием.

В XX в. западное общество становится обществом массового потребления с его моралью постмодернизма, в которой сочетаются субъективизм и моральный релятивизм, отрицается личная моральная ответственность. Общество организуется институционально, поведение людей в социальных системах направляется не индивидуальной моральной мотивацией (вина и стыд), а правилами корпоративных этик, в которых сохраняется ценностно-смысловое ядро утилитаризма, моралью начинают управлять с помощью методов менеджмента. В обществе господствует хайдеггеровское *Man*.

Базовыми этическими понятиями, выражающими специфику русской ментальности, являются «правда», «совесть», «грех», «вина», «стыд», «долг», «любовь». В «Повести временных лет», памятнике славянского язычества, стирается различие между правовым обычаем и моральным долженствованием. С приходом на Русь христианства мораль связывается с грехом, вина перед Богом, стыд перед людьми и совесть как судья и законодатель, управляющий сердцем, рассматриваются как важнейшие нормы православной морали («Поучение великого князя киевского Владимира Мономаха» и «Слово Даниила Заточника»). Приоритет морали над правом существовал в России исторически. В петровскую эпоху в поучении «Юности честное зеркало» о нравственном воспитании дворянина стыд связывался с потерей чести.

Этическая проблематика, включая проблему совести, вины и стыда, была широко представлена в философии западников и славянофилов и русской художественной литературе XIX в., о которой Н.А. Бердяев писал, что «вся она в муках и страдании, в боли о мировом спасении, в ней точно совершается искупление какой-то вины». В начале XX в. Россию охватил глубокий моральный кризис, вызванный военно-политическими и экономиче-

скими причинами, а также потерей доверия народа к русской монархии, что стало одной из причин краха российского государства. Большевицкая власть провозгласила полное подчинение морали политическим целям классовой борьбы пролетариата. Мораль прагматизировалась, подчиняясь общественной пользе, из нее «вырезалось» духовное содержание. В 20-е гг. в советском обществе преобладали нигилистические и вульгаризаторские идеи в отношении морали. Отрицалось само понятие морали, которая понималась то, как социальный инстинкт, то, как технические правила поведения. В научных дискуссиях, имеющих идеологизированный характер, совесть, вина, раскаяние рассматривались «как бесплодная растрата психических сил, нужных для работы», признавался коммунистический аморализм как альтернатива буржуазной морали, выражающей в мистической оболочке «голоса совести» интересы буржуазии.

Культ личности И. Сталина и массовые репрессии 30-е гг. привели к усилению классовости в морали, изгнанию из нее совести и стыда и отождествлению вины, которая стала основой жизни людей, с нарушением верности идеалам строительства коммунизма. Только с 60-х гг. в России формируются этические концепции независимости морали от политики, и признается ценность личности и ее право на моральный выбор. Но советский тоталитаризм не смог уничтожить дух товарищества, совесть, ответственность, патриотизм, составляющие особенности русского национального характера. Переход России в 90-е гг. на путь западного капиталистического развития сопровождался распространением потребительской морали. Произошел раскол морального сознания общества на ценности либерализма, христианства, социализма и государственнической идеологии.

Западная мораль вины связана с существованием христианства, и упадок веры, начавшийся с периода Возрождения и Просвещения, привел к расширению морали личной вины. В России мораль вины поддерживалась православием, в советский период социоцентрической религией веры в коммунизм и вождя, а мораль стыда – общинным укладом жизни, в советский период – коллективистской организацией общества. Мораль вины Запада является индивидуалистической, а России – коллективистской.

В четвертом параграфе «**Вина и стыд в культуре повседневности Запада и России**» проводится сравнительный анализ существования вины и стыда в культуре повседневности Запада и России. В культуру повседневности исследователи включают повседневное бытие (частная жизнь и типичное поведение) и обыденное сознание (типичные предпочтения, привычки, вкусы, наличное знание). В работе внимание концентрируется на тех ее сторонах, которые создают возможности для сравнения различных культур (брак,

семья, отношение к женщинам, старикам, детям, инвалидам, быт, санитарная гигиена, развлечения, восприятие смерти в коллективной ментальности).

В античном обществе контроль за поведением осуществлялся с помощью общинно-группового механизма стыда. К старикам относились с уважением, о чем свидетельствует существование в Древней Греции Геруссии (высший орган правления, состоявший из людей 60 лет), в Спарте – Совета старейшин, в Древнем Риме – Сената. В Древней Греции жизнь женщины-матери ограничивалась домом и семьей. Культу тела способствовала санитарная гигиена, физическое воспитание и олимпийские игры. Были распространены массовые зрелищные развлечения. Умершим оказывались почести в виде ритуальных обрядов.

В средневековье жизнь человека была жестко регламентирована словесными нормами морали стыда и права. Но в религиозных практиках (обряд, молитва, исповедь) формируется с опорой на догмат о первородном грехе чувство личной вины перед Богом. Повседневная жизнь отличалась грубостью нравов: стариков презирали, детей использовали как трудовую силу, жена и дети считались собственностью главы семьи. И только куртуазная культура отличалась возвышенными чувствами мужчины к женщине. К богатству церковь относилась отрицательно, а феодалы расточали его в виде даров и пиров. Санитарная гигиена отсутствовала. Отношение к больным и калекам было отрицательным. Ритуальные обряды по усопшим находились под полным контролем церкви.

В эпоху Возрождения стали проявлять больше милосердия к больным и инвалидам. В протестантских странах прелюбодеяние считалось позором, публичные казни в городах были обычным явлением. Но интимно-личный характер общения с Богом в протестантизме привел к развитию внутреннего мира человека и укреплению в нем переживаний вины. В эпоху Просвещения нормами межличностных отношений среди элиты становятся внешние приличия и респектабельность. В XIX в., когда укрепляется класс буржуазии и главными ценностями становятся деньги, человек погружается в частную жизнь, его интересуют бытовые мелочи, житейская проза, направленная на накопление богатства. «Победа индустриального общества означала устранение семейной морали, разделение судеб мужчин и женщин, отмену брачных, родительских и сексуальных табу» (У. Бек).

В средневековой Руси повседневная жизнь регулировалась традициями и обычаями. Дух рабства между родителями и детьми прикрывался «святостью патриархальных отношений» (Н.И. Костомаров). Блуд преследовался церковью, налагавшей на виновных пост и покаяние. К сиротам, больным, инвалидам относились с милосердием как к «божьим людям». Пьянство счи-

талось грехом и осуждалось моралью. Гигиеническая культура находилась на более высоком уровне, чем в Европе. В быту русский народ отличался хлебосольством. Все сословия строго соблюдали религиозные посты, а на тех, кто нарушал их, налагалось покаяние, их окружали всеобщим позором. Быт, частная жизнь до XX в. сохраняли патриархальность, регулятивом поведения являлся стыд. Но в 70-е-80-е гг. XIX в. страна оказалась во власти революционного террора: «Терроризм стал повседневностью для сотен тысяч жителей страны; с поразительной регулярностью он возрождался, унося каждый раз все больше человеческих жизней» (О.В. Будницкий). Затем пришла эпоха революций, разрушивших культуру повседневности традиционного общества.

Быт советского времени 20-х-30-х гг. отличался крайней неблагоустроенностью и примитивностью (барачная культура). Всякое проявление мещанства в быту клеймилось коммунистической идеологией и искусством. «Частные интересы, которые невозможно было искоренить, осуждались. Их надо было стыдиться. Скрывать, как нечто неприличное» (И. Глушенко). Считалось постыдным жить богато и благополучно, осуждался яркий индивидуальный стиль в одежде и образе жизни. Только с 60-х гг. повседневная жизнь становится более значимой для советского человека. Переход к рыночной экономике в 90-е гг. сопровождался распространением неумеренного потребления, вещизма. Ценностями становятся деньги, материальное благополучие, а в быту – комфорт и развлечения, предлагаемые массовой культурой. В последнее время происходит возврат к традиционным российским ценностям.

Культура повседневности Запада эволюционировала в направлении денационализации, отказа от традиционных христианских ценностей совести и вины, на смену которым пришли ценности толерантности и мультикультурализма. В культуре повседневности России до сегодняшнего дня сохранились традиционные ценности: связь вины и греха, приоритет морали над правом, патернализм сознания, милосердие к нуждающимся.

Во второй главе **«Вина и стыд в буддийско-конфуцианских культурах Востока»** рассматриваются явления вина и стыд в восточной философии, морали и культуре повседневности на материалах Китая и Японии.

Лексемы «вина» и «стыд» присутствуют в языковой картине мира восточных культур. В китайском языке лексема «вина» обозначается словами *guocuo* («ошибка») и *guoshi* («промах»), а лексема «стыд» – словами *xiukui* («позор») и *haixiu* («смущение»). В японском языке лексема «вина» обозначается словом «цуми» («проступок», «преступление», то, что требует наказания), а лексема «стыд» – словом «хадзи», в сочетаниях «хадзи-о каку» («опозориться»), «хадзи-о сиру» («иметь чувство чести»). Вина в китайском и

японском языках связывается с самонаказанием из-за проступка или преступления, а стыд – с внешне выраженными негативными эмоциональными переживаниями человека, связанными с осуждением окружающих.

В первом параграфе **«Вина и стыд в китайской и японской философии»** исследуется китайская и японская философия стыда. Исследователи китайской культуры отмечают такие ее особенности как традиционализм, ритуальность, культ власти, подчинение личных интересов государственным. Особую роль в китайской культуре и обществе играет конфуцианство, которое является не только религией, философией и этикой, но и политикой, административной системой, принципом организации общества, основой образа жизни, квинтэссенцией китайской цивилизации (Л.С. Васильев). Образ идеального правителя, основными достоинствами которого являются человеколюбие (жэнь) и чувство долга (и), был создан Конфуцием в трактате «Луньюй». Признавая регулятивом человеческого поведения стыд, он утверждал культ образования и воспитания. Личный нравственный пример правителя и стыдливость народа считались духовными основами общества. Идеи Конфуция о стыде как важнейшем свойстве человека развивали Мэн-цзы, Сюнь-цзы, а также Ван Янмин, признававший нравственную природу человека двойственной, сочетающей принцип ли (следование требованиям совести) и принцип ци (эмоционально-аффективные действия).

На рубеже XIX-XX вв. возникает новое неоконфуцианство, представители которого стремились сочетать философскую традицию с использованием достижений западной философии. Фэн Юлань, выделив несколько уровней существования человека (природный, утилитарный, моральный и универсальный), условием достижения последнего считал сочетание духовного совершенства и социальной роли, тем самым соединяя принципы конфуцианства и буддизма. Ду Вэймин разработал идею нравственной работы человека над собой, требующей самокритики и самоконтроля в виде стыда. Моу Цзунсань рассматривал тезис Ван Янмина о «благомыслии» разума как аналог «доброй воли» Канта, тождественной моральному закону. Понятия, эквивалентного греху в западной философии, в конфуцианстве не было: человек должен был стремиться быть нравственным, а не безгрешным.

Японская культура формировалась под влиянием культуры Китая (долгие годы лозунгом Японии был «вакон-кансай», т.е. «японский дух, китайские знания»), но не утратила своей самобытности. Ее основными характеристиками являются заботливость (амаэ), толерантность, избегание открытой конфронтации, долг (гири), благоволение (онгаэси). Она является культурой стыда (хадзи-но бунка). Японское общество было и остается обществом

групп, а не индивидов. Человек воспринимается как часть целого (дзибун – «моя часть»), слово «ватакуси» («я») появилось достаточно поздно.

Процесс европеизации в эпоху реставрации Мэйдзи оказал влияние и на японскую философию, где стали формироваться аналогичные европейским философские направления, особенно прагматизм и экзистенциализм. Японский прагматизм содержал идеи, родственные японскому духу. Он предлагал отказаться от академизма в философии и погрузить ее в конкретную повседневную жизнь. В концепции Косака Масааки «Образ человека, на которого возлагают надежды», долг отождествлялся с многочисленными обязанностями перед семьей и окружающими, что напоминает, по словам Р. Бенедикт, западную традицию возврата денежного долга. Японский экзистенциализм, основателем которого был Нисида Китаро, развивался в качестве академической философии в Киотском университете. Киотская школа (Кёто-ха) распалась в конце 40-х гг., но французский экзистенциализм Ж.-П. Сартра, А. Камю и С. де Бовуар получил широкое распространение в философии и художественной литературе. Японскому менталитету близки идеи западного экзистенциализма о приоритете интуиции над разумом, реальности в конкретном, а не в абстрактном, отношении к существованию как к «бытию к смерти». Многие японские писатели посвятили свои произведения темам вины, стыда, жертвенности и ответственности человека.

Китайская философия, основой которой было конфуцианство, является социальной философией стыда, идеи которой ассимилировались японской философией вплоть до XX в., когда под влиянием западной философии в ней формируются идеи экзистенциальной вины.

Во втором параграфе **«Вина и стыд в китайской и японской морали»** рассматривается китайская и японская мораль стыда. Принято считать, что общезначимые моральные принципы были сформулированы в европейской культурно-философской традиции. Но в китайском языке есть слова, обозначающие мораль: «даодэ», «лун», «лунли», «лунли даодэ»; в японском – «до-току», «мити», «ринри», «токуги», с которыми связаны понятия общественного и личного долга и обязанностей, переживания чувств вины и особенно стыда.

В имперский период (III в. до н. э. – 1912 г.) в Китае нормы патриархальной конфуцианской морали, где главную роль играло соблюдение ритуалов, постепенно становятся основой системы управления и образования и способом общения. Преданность правителю (чжун) была возведена в ранг необходимых качеств благородного сословия и переход на службу к другому правителю считался постыдным поступком. Конфуцианские нормы морали стали основой трактатов о нравственном воспитании. В трактате «Троесло-

вие» («Сань-цзы-цзин»), написанном в XIII в., по которому детей учили в Китае вплоть до XX в., описывались добродетели, а также пороки, достойные стыда и осуждения (эгоизм, алчность, непристойное поведение, пренебрежение знаниями). Мораль буддизма, пришедшая в Китай в VI в., не получила широкого распространения, но оказала определенное влияние: идея нации считается превыше всего, даже государства. С XVII в. начались активные экономические контакты Китая с европейскими странами, и был провозглашен лозунг «ти – юн» («китайская основа – западная польза»). Современный Китай стал страной с мощной рыночной экономикой, основой которой являются семейные союзы (фамилизм), но в области культуры по-прежнему доминируют моральные принципы, сформировавшиеся под влиянием конфуцианства. Сегодня в моральный кодекс китайского общества входят восемь правил поведения. Постыдным считается «нанесение вреда Отечеству», «посяпки, идущие вразрез с интересами народа», «невежество и отсутствие знаний», «стремление к безделью и неприязнь к труду», «стремление поживиться за чужой счет», «утрата чувства долга», «нарушение законов и дисциплины» и «стремление к роскоши, разгулу и праздности».

В японской культурной традиции существуют социализированность, стремление к объединению в группы, основанные в нравственном отношении на чувстве преданности и следовании долгу. Современная культура Японии проникнута идеями буддизма (стремление к личному совершенству) и конфуцианства, с его идеями долга. Нормы японской морали связаны с пониманием индивида как центра многочисленных обязанностей, которые вытекают из его преданности семье, общине, группе. Японской морали присущи ситуационность и контекстуальность, в ней различие добра и зла является относительным и отсутствует понятие греха. Моральные обязанности верности и долга структурируют японское общество в социальном отношении и позволяют сохранять его целостность на протяжении многих веков, но ограничивают свободу выбора и заставляют жертвовать личными интересами. Долг не является в японской морали безусловным этическим императивом, а выражает зависимость человека от других, связанную с его выплатой. Долг делится на гиму как неоплатный долг перед императором (тю), предками и родителями (ко), работой (нимму) и гири, оплачиваемый долг, который можно подсчитать (гири перед миром и долг чести перед своим именем). Последний связан с пониманием «подобающего места». «Гири» можно рассматривать как эквивалент понятия «совесть» и связывать с переживаниями чувств вины и стыда у европейцев.

На японскую мораль огромное влияние оказал средневековый моральный кодекс самураев (бусидо), в основе которого находились идеи дзен-

буддизма, напоминая античную этику стоиков. В XX в. принципы кодекса трансформировались в верность императору, государству, корпорации, профессиональному коллективу, нравственно направляя развитие японской экономики, одной из наиболее эффективных в современном мире. Мораль самураев сыграла в японском обществе роль, подобную протестантизму в европейском обществе, благодаря которому утвердился капитализм. Японская мораль является моралью стыда, ориентированной на группу и оценки окружающих. Антрополог Р. Бенедикт, представления которой разделяют многие исследователи культуры Японии, дает следующую оценку ее морали: «Стыд... является корнем добродетели. Человек, который к нему чувствителен, будет соблюдать все правила хорошего поведения. “Человек, который знает стыд”, переводится иногда как “добродетельный человек”, иногда – как “человек чести”. Стыд занимает в японской этике столь же важное место, как и “чистая совесть”, “право перед Богом” и безгрешность в западной этике».

Китайская и японская мораль, основой которой являются конфуцианство и буддизм, сформировали модель добродетельного человека, качествами которого являются социализированность, чувства преданности и следования долгу. Восточная мораль лишена моральных абсолютов, идей греха и спасения.

В третьем параграфе **«Вина и стыд в культуре повседневности Китая и Японии»** анализируется, как представления о вине и стыде нашли отражение в повседневной жизни Китая и Японии. Жизнь представителей среднего и низшего чиновничества в средневековом Китае и Японии была строго регламентирована и ритуализована. Соблюдение этикета особенно было необходимым для японской придворной аристократии. Женщине предписывалось заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей, браки не основывались на любви. Буддизм изменил отношение китайцев и японцев к семье и браку, измены стали караться по закону и осуждаться обществом. К числу обычаев в средневековом Китае и Японии относились институциональные самоубийства, которые не считались грехом, а у японских самураев сэппуку (харакири) были делом чести. Некоторые виды самоубийств сохраняются и сегодня.

В современной системе китайского воспитания детей с раннего возраста учат упорству и труду, прививая дисциплинированность и ответственность. В Японии детей воспитывают главным образом личным примером и наставлениями. Конфуцианство диктует почтительное отношение к родителям при жизни и после смерти. Поэтому погребальные обряды в Китае и Японии отличаются пышностью и соблюдением специальных ритуалов. Спо-

события проведения досуга носят духовный характер: посещение храмов, прием гостей, проведение многочисленных праздников.

Вестернизация культуры стран Востока привела к исчезновению многих этикетных форм, обычаев и традиций. Но по-прежнему в общении сохраняется вежливость, учтивость, внимание к собеседнику. В Японии до сих пор существуют формулы вежливого извинения: сицурэй симас – «прошу прощения», гоменнасай – «извините за неудобства». «Потерять лицо», выглядеть несоответственно ситуации для японцев считается постыдным. «Стыд в жизни японца находится на высшей ступени иерархии, и это означает, что японцу предельно важно, как отнесутся к его поступку другие» (Ю. Накамура). В Китае и Японии современные достижения в области экономики считаются результатом умений сочетать беспрекословное подчинение приказам руководителя, социализированность, трудолюбие, самоотдачу на работе (у японцев – гамбари), мораль стыда перед другими. Все эти качества воспитываются культурой этих стран, основой которой являются конфуцианство и буддизм.

Культуре повседневности Китая и Японии присущи такие особенности как чувство стыда перед группой, почтительность к старшим, трудолюбие, соблюдение правил этикета в межличностных отношениях, формы вежливости в речи, соблюдение многочисленных внешних обязанностей.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в научных изданиях, входящих в перечень ВАК для опубликования научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Данилова, Ю.Н. Вина и стыд в рефлексии русской философии / Ю.Н. Данилова // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Выпуск 33. – Челябинск, 2014. – № 17 (346). – С.141-145.
2. Данилова, Ю.Н. Мораль в японской культуре стыда / Ю.Н. Данилова // В мире научных открытий. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. – № 11.3 (59) (Социально-гуманитарные науки). – С.1344-1360.
3. Данилова, Ю.Н. Универсалии «вина» и «стыд» как выражение русскости в морали / Ю.Н. Данилова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. Научный журнал. – Челябинск, 2015. – № 1 (41). – С.96-100.

Статьи, опубликованные в других научных сборниках и журналах:

4. Данилова, Ю.Н. Универсалии вина и стыд в западной философии / Ю.Н. Данилова // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. №7(16): Сборник статей по материалам.XVI междуна-

- родной заочной научно-практической конференции. – М.: Изд. «Международный центр науки и образования». – 2013. – С.33-37.
5. Данилова, Ю.Н. Феномены «вина» и «стыд» в русской философии / Ю.Н. Данилова // Проблемы укрепления единства российской нации: Материалы Всероссийского научно-практического форума с участием зарубежных ученых «Проблема укрепления и поддержания гражданского единства в регионе: философско-культурологические, искусствоведческие и религиоведческие аспекты» (Пермь, 17-19 сентября 2014 г.). В 2 ч. / отв. Ред. С.А. Никольский, М.Г. Писманик; Перм. гос. акад. Искусства и культуры. – Пермь, 2014. – С.205-209.
 6. Данилова, Ю.Н. Универсалии вина и стыд в японской философии / Ю.Н. Данилова // Materials of the I International scientific and practical conference, Science and Education, – 2014. September 5-6. Volume 3. Philosophy. Music and life. Sheffield. Science and education LTD – 112 стр. – С.63-65.
 7. Данилова, Ю.Н. Феномен морали в культуре Китая / Ю.Н. Данилова // Вестник Курганского государственного университета. – Серия «Гуманитарные науки». – Вып. 10. – Курган, 2014. – № 3 (34). – С.17-20.
 8. Данилова, Ю.Н. Совесть в культуре повседневности Японии / Ю.Н. Данилова // Ценности и нормы в потоке времени: материалы VI Международной научной конференции (Курган, 9-10 апреля 2015 г.) – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – С.29-31.
 9. Данилова, Ю.Н. Вина и стыд как мировоззренческие универсалии культуры / Ю.Н. Данилова // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6-10 октября 2015 г.). В 3-х т. Т. II. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – С.232.
 10. Данилова, Ю.Н. Мораль в Китае: традиции и современность / Ю.Н. Данилова // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников VIII Международной научно-практической конференции (Казань, 8-11 октября 2015 г.). – Казань, 2015. – С.72-74.
 11. Данилова, Ю.Н. Образ цзюнь цзы в китайской философии / Ю.Н. Данилова // Вестник Курганского государственного университета. – Серия «Гуманитарные науки». – Вып. 11. – Курган, 2015. – № 5 (39). – С.68-70.

Подписано к печати 29.04.16
Заказ № 85

Формат 60x84 1/16
Усл. печ. л. 1,5

Бумага тип. 80 г/м²
Тираж 130 экз.

Редакционно-издательский центр КГУ
640669, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет